

УЎК (УДК, UDC): 821.521.033: 244

ЭЛЕМЕНТЫ БУДДИЗМА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЕ ЯПОНИИ

Хакима Шавкатовна ГАФУРОВА
Кандидат филологических наук, доцент
Заведующий кафедрой восточных языков
Университет мировой экономики и дипломатии
Ташкент, Узбекистан
hakimaanor@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена влиянию буддизма на дневниковую литературу Японии и определяет общее отношение некоторых авторов к нему. В отдельно взятых дневниках были проанализированы некоторые элементы буддизма, игравшие важную роль в жизни аристократического сословия.

Ключевые слова: дневниковая литература Японии; буддизм; понятие красоты; мимолетность; «моно-но аварэ».

ЎРТА АСР ЯПОН КУНДАЛИК НАСРИДА БУДДИЗМ УНСУРЛАРИ

Хакима Шавкатовна ГАФУРОВА
филология фанлари номзоди,
Кафедра мудири, доцент
Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети
Тошкент, Ўзбекистон
hakimaanor@mail.ru

Аннотация

Мазкур мақола буддизмнинг Япония кундалик адабиётига таъсирини ўрганишга бағишланган ва унда баъзи муаллифларнинг бу адабиётга умумий муносабати аниқланган. Алоҳида ажратиб олинган кундаликлар мисолида буддизм унсурларининг зодагонлар ҳаётидаги муҳим роли таҳлил қилинган

Калит сўзлар: Япония кундалик адабиёти; буддизм; гўзалик тушунчаси; бир зумлик; “моно-но-аварэ”.

ELEMENTS OF BUDDHISM IN MEDIEVAL JAPAN DIARY PROSE

Khakima Shavkatovna GAFUROVA
Candidate of Philology
Head of the Oriental Languages Department
assistant professor

University of World Economy and Diplomacy
Tashkent, Uzbekistan
hakimaanor@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the influence of Buddhism on diary literature of Japan. As well, it defines some authors' general attitude to it. By analysing separately taken diaries there were studied some elements of Buddhism, which played the essential part in the life of aristocratic class.

Keywords: diary literature of Japan; buddism; the notion of beauty; transience; “mono-no aware”.

Проникновение буддизма из Китая в средневековую Японию, островное государство, строго контролирующее свои границы, завершилось к концу IX в. Под влиянием буддизма в Японии сформировалась новая административная система, появилась письменность. Укрепляя свои позиции, буддизм все последующее тысячелетие буквально проник во все сферы культурной и общественной жизни Японии.

Именно на заимствованных постулатах буддизма создавалась «национальная идея», выразившаяся как протест против кастовых различий, равенство всех перед лицом Будды, стремление к нравственному усовершенствованию, учение о мире как потоке сменяющих друг друга элементов материи и сознания. Буддизм адаптировался в японской среде и со временем стал восприниматься уже как собственная философия.

Традиционные формы буддизма, осевшие в сознании японцев, сформировались на основе сочетания с синтоизмом. К концу X в. окончательно завершился синтез буддизма и синтоизма как культа природных сил и как жизни в слиянии с природой. Американский исследователь Г. Клайборн отмечает, что «проникновение в японскую душу установок и ценностей буддизма было столь мощным, что оно заметно и сейчас в каждом аспекте жизни современной Японии» (1, 369).

Несмотря на все отличия буддизма от его первоисточника – индийского буддизма, а также китайской или корейской версии, японские буддийские доктрины органично вошли в духовную жизнь японцев и на протяжении всей истории составляют основу духовности, присущей только Японии.

Каждая из трех религий – синтоизм, конфуцианство и буддизм сформировали философско-эстетические принципы средневековой Японии.

Так, ранний японский буддизм делал акцент не столько на мировоззренческих вопросах, на ощущении истины, сколько на его элементах в традиционных нормах поведения, формах культуры.

Синтоизм поддерживает в японской культуре циклическую концепцию времени, зримым образом которой является смена времен года. Согласно синтоизму, японская нация берет начало от богини солнца – Аматерасу. Буддизм, в свою очередь, ассоциируется с вечной сменой поколений, этапов в человеческой жизни и судьбе.

Конфуцианская доктрина поклонения предкам, их обожествление, почитание родителей, отразилось в изречении: «Отношения между высшим и низшим подобны отношениям между ветром и травой: трава должна склониться, если подует ветер». Именно конфуцианство постепенно отразилось в господствующую идеологию феодального домостроя.

Итальянский ученый Фоско Мараини в своей книге «Япония: черты преемственности» отмечает: «Благодаря своеобразному соседству синтоизма, буддизма и конфуцианства, когда ни одно из мировоззрений не превалировало над другим, не исключало их абсолютно и окончательно, в сознании японцев глубоко укоренилась идея терпимости. Каждая система верований или взглядов рассматривалась как путь – путь к вершинам мудрости, духовного совершенствования, внутреннего озарения. Человек был вправе испробовать любой из таких путей. В отличие от Запада Япония почти не знала преследования еретиков, подавления каких-то плодотворных идей из-за того, что они противоречили неким священным книгам или их последующему толкованию» (2, 321).

Элементы буддизма, синтоизма и отчасти конфуцианства и составили идеологическую основу хэйанской культуры. Эпоха Хэйан (794–1192 гг.) продолжалась почти 400 лет, характеризуется как период мира и спокойствия, расцвета литературы, во многом определившего основные характеристики японской культуры последующих веков.

На стыке синтоистского восприятия жизни, жизнеутверждающего культа природы и буддийского взгляда на неизбежность круговорота в мире, сформировалась основная эстетическая концепция хэйанского общества, которая почти сразу же нашла свое отражение в литературе и получила название «моно-но аварэ» («очарование вещей»). «Аварэ» есть одновременно и «чарующий», «исключительный», и «печальный», «жалкий», т. е. достойный сожаления, сострадания. В хэйанскую эпоху, особенно в конце X в., когда эта культура достигла расцвета, утонченная восприимчивость к очарованию вещей и людей, культ красоты и эмоций стали важнейшими чертами японской эстетики.

Носителями культуры эпохи Хэйан и основоположниками дневниковой литературы были женщины-аристократки. Их дневники содержат сообщения о некоторых событиях эпохи, о мировоззрении средневекового японца, о нравах и обычаях аристократического общества, о роли и месте женщины в нем. Именно поэтому памятники дневниковой литературы служат богатым материалом для изучения духовной жизни японцев.

Отличительной чертой, присущей средневековому японскому аристократическому обществу, была любовь ко всему изящному, к красоте внешней и внутренней. Все «некрасивое», с точки зрения хэйанца, не допускалось.

По мнению известного публициста В. Овчинникова, мерами красоты у японцев служат четыре понятия, три из которых (саби, ваби, сибуй) уходят корнями в древнюю религию синто, а четвертое (югэн) навеяно буддистской философией.

Саби – понятие, уравнивающее красоту и естественность, включая печать старины. Все, что неестественно, не может быть красивым. Ваби – очарование, прелесть всего обыденного, простого, «красота простоты». Сибуй – это «первородное несовершенство в сочетании с трезвой сдержанностью. Это красота естественности плюс красота простоты» (3, 51–53). Ему присущ взгляд на вещи как на существа одушевленные.

Одна из известных писательниц эпохи Хэйан Мурасаки Сикибу, автор известного «Дневника Мурасаки Сикибу», предстаёт перед читателями как натура глубокая, чуткая и восприимчивая. Она утверждает, что каждый элемент внешности человека должен быть красив: «Госпожа Сэндзи также невелика ростом, но очень стройна. Волосы ее красивы и очень ухожены... Словом, она так хороша, что в ее присутствии чувствуешь собственную неловкость. Когда задумываешься о том, какой должна быть женщина, то вспоминаешь о ней – так хороша она и сердцем своим, и речами» (4, 444). Во времена Мурасаки Сикибу именно в «моно-но аваре» воплощался дух красоты.

Философию «моно-но аваре» можно осознать, если указать на элемент буддизма-медзурасиса, неповторимость, уникальность. Сочетание этих двух элементов буддийской философии характеризует умение видеть красоту во всем окружающем мире, в каждой его травинке.

Понятие «югэн», привнесенное буддизмом, подразумевает вслушивание в несказанное, любование невидимым (3, 51–53). Точный перевод этого термина зависит от контекста. В традиционной японской эстетике под этим термином понимается что-то «тонкое», «неуловимая глубина вещей»,

«печальная красота человеческих страданий». Понятие «юген» тесно переплетается с еще одной концепцией буддизма – судьба человека определяется его внутренней красотой. В данном случае под «красотой» понимается чуткая душа, способная видеть во всем красоту: «Стало видно, как под свирепыми порывами ветра кусты мисканта у нас под окном отчаянно трепещут и гнутся, так что им нельзя не посочувствовать:

Об осени, наверно, вспоминает,

Узнать бы его мысли! –

Полег под зимней непогодой

Сухой мискант

С листовую облетевшей (4, 517).

Одной из особенностей дневникового жанра, отражающей элементы буддизма, является идея о непостоянстве нашего мира. Японское название «Дневника эфемерной жизни» записывается иероглифами 蜻蛉日記, где иероглиф 蜻蛉 обозначает поденку – насекомое, живущее всего один день. Если отойти от иероглифического названия дневника и рассмотреть значение слова «кагэро», то оно может означать «струящийся от жары воздух». В последней главе первой книги автор написал следующую фразу «Я только думаю, что все в мире быстротечно, и эти записи можно назвать дневником эфемерной жизни», поэтому можно предположить, что идея эфемерности, воздушности, случайности воспринимается автором как что-то мимолетное, присущее только жизни автора.

Автор «Дневника Сарасина», называющая себя Дочь Такасуэ, на протяжении всего повествования постоянно обращается к Будде, совершает паломничество в храмы и читает буддийские сутры, что говорит о собственном глубоко личном восприятии автором буддийской концепции мироустройства. В дневнике «Эфемерной жизни» автор высказывает свое отношение к такому понятию буддизму как «затворничество». Автор пишет: «Первого числа я позвала сына и начала прямо с разговора: – Я начинаю длительное затворничество...» (4, 269). В данном контексте это означало, что Мать Митицуна решила исполнить один из заветов Будды – отрешиться от будничной суеты и начать думать о вечно живущем Будде. «У меня до этого времени одно за одним тянулись религиозные запреты, поэтому так и получилось» (4, 252). Уход в монастырь, религиозные запреты и затворничество были обязательными ритуалами, выполняемыми в аристократическом обществе Японии: чтение сутр, совершение обрядов считалось обязательным для придворных аристократов.

Анализируя средневековые женские дневники, мы пришли к выводу, что совершение паломничества в буддийские храмы, чтение сутр, постоянное пребывание буддийских монахов в императорском дворце – это часть регламентированной жизни аристократического сословия средневековой Японии. Можно определенно утверждать, что японские средневековые дневники являются важным историческим материалом, отражающим бытовое представление средневекового японца о буддизме, его отношении к благочестию, к «затворничеству» и к стремлению удалиться от мира.

Таким образом, в качестве особенностей средневековой дневниковой прозы можно отметить присутствие буддийских мотивов, темы непостоянства и изменчивости этого мира, что дает все основания говорить о влиянии буддизма на жизнь японского общества, на формирование его мировоззрения.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Claiborne G. Japanese and American rhetoric: A contrastive study. – Florida: University of South Florida, 1993. – 369 p.
2. Мараини Ф. Япония: черты преемственности. – М.: Просвещение, 1971. – 321 с.
3. Овчинников В. Сакура и дуб. – М.: АСТ, 2011. – 605 с.
4. Японские средневековые дневники. – СПб., 2001. – 622 с.

REFERENCES

1. Claiborne G. Japanese and American rhetoric: A contrastive study, Florida: University of South Florida, 1993, 369 p.
2. Maraini F. *Yaponiya: cherty preemstvennosti* (Japan: features of continuity), Moscow: Prosveshchenie, 1971, 321 p.
3. Ovchinnikov V. *Sakura i dub* (Sakura and oak), Moscow: AST, 2011, 605 p.
4. *Yaponskie srednevekovye dnevniki* (Japanese medieval diaries), Saint-Petersburg, 2001, 622 p.